

«История СССР» («Отечественная история», а затем «Российская история»). Благодаря его мастерству авторские статьи буквально преображались, ему удавалось бережно выявить и предельно чётко довести до читателя их содержание. Однако Секиринский мечтал о собственном издании, которое стало бы «объединяющей площадкой» для всех творчески и свободно мыслящих людей, искренне стремящихся к поиску Истины. В 2004 г. его мечта исполнилась, и на протяжении почти четырёх лет под его редакцией выходил журнал «Историк и Художник», где публиковались не только историки и искусствоведы, но и философы, социологи, этнологи, писатели, сценаристы, журналисты и архивисты, освещавшие процессы и явления многогранной жизни в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Журнал сразу же заинтересовал научную общественность. Для неё устраивались памятные встречи с читателями, проходившие в Доме-музее А.И. Герцена и в одной из школ в центре Москвы. На них приглашались известные учёные, мыслители, литераторы и кинематографисты, с их участием разыгрывались лотереи, а в финале узкий круг собравшихся друзей и единомышленников обменивался впечатлениями. Однако, несмотря на изменения в стране, инновации пробивали себе дорогу с трудом. Данное начинание так и осталось частным делом Сергея Сергеевича, не получив помощи со стороны академических, административных или предпринимательских структур. Без финансовой поддержки в 2008 г. «Историк и Художник» прекратил существование.

После избрания директором Института российской истории РАН Ю.А. Петрова Секиринский занял должность ведущего научного сотрудника, а в июне 2012 г. Президиум РАН утвердил его главным редактором журнала «Российская история». Но уже 8 ноября Сергей Сергеевич скоропостижно скончался. За короткий срок пребывания во главе журнала он многое сделал для изменения его облика и структуры и даже успел провести совместное заседание обновлённой редколлегии и впервые образованного им редакционного совета.

Личности, подобные С.С. Секиринскому, — большая редкость, их следовало бы лучше понимать при жизни и чаще вспоминать после кончины.

Надежда Канищева: Нам не хватает тебя

Nadezhda Kanishcheva (Moscow, Russia): We miss you

DOI: 10.31857/S2949124X25020039, EDN: DOZPQE

Читаю написанное Валентином Валентиновичем и сознаю, что Сергей Сергеевич — а для меня всегда просто Серёжа — ушёл на подъёме своего творчества. Он пришёл в аспирантуру Института истории СССР, в сектор зарубежной историографии, которым руководил В.И. Салов, когда я уже проработала там несколько лет, и потому считала нового сотрудника намного младше себя. Высокий, мощный, он излучал энергию силы. Пишу и вижу перед собой его умные глаза, полуулыбку, немного наклонённую к собеседнику голову — знак уважения и внимания, взгляд чуть исподлобья, выражающий готовность отстаивать свою позицию. Уже тогда было очевидно, что Сергей — человек широкой эрудиции, думающий, анализирующий, независимый в суждениях, не склонный соглашаться даже с общепринятыми установками, если они не

соответствуют его видению проблемы. В те годы (да и позднее) подобная позиция, к сожалению, расценивалась как «ершистость», вызывала ощутимый дискомфорт у руководства. Но очевидно, что именно такие учёные способны генерировать инновационные идеи, давать импульс исследовательскому процессу. Если им, конечно, хватает силы, настойчивости, энергии. А у Сергея, несомненно, их было в избытке.

Хорошо помню блестящую защиту его докторской диссертации в Диссертационном совете Российского независимого института социальных и национальных проблем, где на протяжении ряда лет работала секретарём. В этой аудитории, состоявшей из видных историков, чьи труды с успехом прошли испытание временем и пользуются и по сей день заслуженным авторитетом, выступление Сергея вызвало интереснейшую полемику о российском либерализме. Излишне говорить, что решение о присуждении учёной степени было единодушно положительным.

Нельзя не вспомнить его неординарный новаторский проект — журнал «Историк и Художник», нацеленный на обсуждение смелых подходов к постижению прошлого на стыке науки и искусства. Кроме того, Сергей стремился предоставить нам, читателям и авторам, площадку для неформального клубного общения. Трудно даже представить, сколько сил отнимали у Сергея и Ольги (его верной жены и неизменной помощницы) такие корпоративные посиделки — ведь их проведение требовало основательной подготовки и незаурядной изобретательности при выдумывании не повторяющихся конкурсов, призов и т.п. — это было нечто совсем необычное для довольно индивидуализированной и разобщённой среды историков. Прав Валентин Валентинович, этот проект несомненно заслуживал поддержки, но, как всегда, обстоятельства оказались сильнее.

В жизни иногда незнакомые люди, вступая в общение, незаметно для себя проникаются духовным родством. Примерно так развивались и мои чувства к Серёже. С первой встречи я относилась к нему с неизменной симпатией. Мы не дружили в привычном смысле слова: не перезванивались, не общались вне научных или околонаучных мероприятий. Лишь однажды вместе с несколькими коллегами я побывала в гостях у Сергея и Оли, вскоре после их свадьбы. С годами, в суматохе виделись всё реже, но каждый раз, встречаясь, радовались и знали, что рассказать друг другу — и о науке, и о личном. Сергей неизменно был добр ко мне, и когда мой сын защищал кандидатскую диссертацию, согласился выступить оппонентом, за что я душевно ему благодарна.

Последний наш разговор с Сергеем состоялся примерно за год до его ухода. Он, как всегда, делился планами, иронизировал над своими перегрузками. И вдруг сообщил о том, как незадолго до этого в вагоне метро к нему обратилась немолодая женщина, сидевшая какое-то время напротив, поглядывая на него, а потом решившаяся подойти и сказать: «Я — врач, наблюдала за Вами, хочу предостеречь: Вы находитесь в зоне риска, возможен инсульт». Видимо, Сергея тревожило услышанное. Конечно, я пыталась его успокоить, отвлечь, «перебить» царяпавшую душу мысль. К тому же Сергей тогда выглядел немного усталым, но совсем неплохо. Только, видимо, судьбу не переспоришь. Бесконечно, невыразимо жаль, что наука лишилась талантливого учёного, далеко ещё не совершившего всего задуманного, а мы потеряли доброго, порядочного, светлого, настоящего человека высокой пробы.